

Человеческий капитал и современное естествознание

М.А. Шишкин

Сейчас я не буду рассуждать об определении понятия «человеческий капитал». Но, исходя из сегодняшних выступлений, и прежде всего из выступления К.М. Долгова, одна из главных его составляющих – это нравственные ценности. Что такое нравственные ценности? Всякая общественная система держится на взаимодействии своих частей, на взаимодействии своих динамических переменных. От этого зависит ее устойчивость. Это обеспечивает через обратные связи ее способность к регуляции, к эффективной релаксации возмущений. Утрата этой способности ведет к краху системы. На межличностном уровне эти вырабатываемые исторически регуляционные механизмы воспринимаются как моральные нормы.

Но если мы вернемся к тому, что мы называем человеческим потенциалом или капиталом, конечно, можно попытаться разложить его на какие-то составные части и по частям его анализировать. Однако мой опыт как естествовика учит тому, что самыми содержательными являются общие и целостные объяснения феномена. Они дают возможность для частных дедукций и вообще наиболее продуктивны. Что лежит в основе всего этого? Мы все люди, индивидуумы, члены социальных групп. Мы имеем некоторые характерные модели поведения, которые мотивируют нас поступать таким образом, а не другим. Наше поведение определяется спецификой нашего восприятия действительности. Эта

специфика бывает очень разной. Естественно, она зависит от социальной группы или от исторической ситуации.

Можно привести много примеров. Для какого-нибудь горского народа, который исторически жил в условиях набегов на соседей и подвергался таким же набегам, модель восприятия мира будет одна. Для народов, которые исторически жили в тесном контакте с другими народами и привыкли решать компромиссами свои проблемы, это будет другая модель поведения. То, что здесь кажется совершенно естественным, там будет расцениваться как признак слабости. Также существуют различные модели восприятия для военного человека и для представителя мирных профессий. То, что военному человеку кажется естественным в его условиях жизни, кажется странным нам. Например, то, что приказы не обсуждаются.

Идя немного далее, мы можем сказать, что это касается не только любого человека, но и любого живого существа, то есть та информация, которая воспринимается от окружающего мира, определяется спецификой восприятия реципиента. Вот зеленый луг. Для кузнечика – это среда обитания, для коровы это корм. Возвращаясь к человеку, для ботаника – это гербарий, а для художника – это источник вдохновения. Из этого вытекает следующее. Поскольку мы один и тот же мир воспринимаем по-разному, в терминах разных сигналов, отсюда объективно возникает

Шишкин Михаил Александрович – д.биол.н., главный научный сотрудник Палеонтологического института РАН. E-mail: vestnik@mgimo.ru

трудность взаимопонимания. Из этого вытекает много потенциальных конфликтов в самых разных областях. Есть очень хорошее стихотворение у Маяковского «Стихи о разнице вкусов». Речь идет о том, что лошадь, глядя на верблюда, говорит, какая ублюдочная лошадь! А верблюд, глядя на лошадь, говорит, какая это лошадь, это недоразвитый верблюд! И резюме такое:

И знал только бог седобородый,

Что это животные разной породы.

Это очень типичная ситуация и в отношениях социальных групп, и особенно в области науки. О проблемах в области социальных отношений мы уже сегодня неоднократно говорили. То же самое происходит в мире науки. Представьте себе ученых, которые придерживаются разных теорий. Они не в состоянии оценить противоположную теорию, кроме как в терминах своей собственной. Но получается ерунда, они не понимают друг друга. И это недопонимание не носит злокозненного характера. Возьмем историю науки, историю идей в науке, и прежде всего естественные науки. Нам свойственно думать, что наука движется к умножению знаний, заставляет нас отвергать прежние представления и принимать некоторые другие. В общем это может быть и так, но конкретно победа того или иного направления в науке в конкретный исторический период определяется абсолютно не этим.

Возьмем, например, проблемы эволюции, которыми мне приходилось заниматься. Для немецкой науки характерен целостный, интегральный, холистический подход. Энгельс, кажется, писал в «Антидюринге», что, «меньше чем на систему мироздания, немецкий философ не согласен». Это очень симпатичный подход, потому что целостное восприятие вещей – самое продуктивное. Для русской науки, которая многим обязана немецкой школе, этот подход также свойственен. И благодаря этому мы имеем достаточно высокие достижения в эволюционной мысли.

Но есть и другой подход – редукционистский. С одной стороны, он имеет объективные причины, не зависящие от какого-то национального менталитета. Эти объективные причины прежде всего в том, что любое познание начинается с расщепления объекта познания на части. Как писал Галилей: «Только Господь Бог, Божественный разум может одним взглядом охватить все мироздание во всей совокупности его взаимодействий. А наш удел – это переход от заключения к заключению».

Подобное дробление было типично для науки XVIII–XIX вв., при механистическом подходе ничего другого не знали до появления системных методов. В наше время редукционистский подход в некотором смысле сопрягается с англо-американским менталитетом. Его свойством в науке является то, что (как препарировались продукты в универмаге, когда подсчитывается, сколько чего содержится) также препарировались материалы исследования, чтобы они легко поддавались математической обработке и т.д. Это имеет свои хорошие стороны, но сопряжено с риском недозволенного упрощения, с соблазном воспринимать наши упрощенные конструкции за законы природы.

И вот в истории науки, в истории эволюционизма холистический, организмоцентрический подход, который зародился в немецкой науке и нашел поддержку у нас, сошел на нет, по большей части потому, что великое немецкое естествознание сильно пострадало с приходом нацизма. И сейчас, хотя это и сильная школа, она существует как довесок к англо-американскому подходу. А англо-американский сигнал в науке очень силен по тем же причинам, почему он силен в музыке, кино и т.п. Таким образом, уход в сторону редукционизма, где обилие простых объяснительных моделей, очень заманчивых, обусловлен не столько логикой развития науки, сколько тем, что так проще. И людям свойственно искать решения там, где они уже ожидают их найти.

В результате сейчас наука возвращается к холистическому, организмоцентрическому подходу. Но это подается в паллиативных и оппортунистических решениях, что, мол, для микроэволюции сойдет генетическая теория эволюции, а для макроэволюции – организмоцентрическая теория эволюции. Это смешно, так не бывает. Подход должен быть один. Таким образом, наука делает зигзаги прежде, чем приходит к тому или иному решению.

В итоге свойство человеческого ума, его историческая, национальная и иного плана специфика, то есть то, что мы называем человеческим потенциалом, оказывает влияние на те процессы, в которых мы ожидаем проявления чистой логики. Однако так не бывает.

Shishkin M.A. The human capital in the light of the problem of values.